

Надвигалась буря [1]...

***

— Это — Лу Синь.

На Алмазной площади столичной звезды Уто Линь Цзиншу удивлённо обернулась, обнаружив, что с ней заговорил старый верховный главнокомандующий Вульф, и поспешно встала, поприветствовав его:

— Господин Вульф, добрый вечер!

Алмазная площадь представляла собой переходную зону между Центральным залом Парламента Лиги и лесопарком. В настоящий момент в Центральном зале как раз проводился бал, так что свет фонарей, пересекая наполовину закрытую Алмазную площадь, исчезал в зелёных волнах парка. Сверкающий зал наполнился благоуханными нарядами и пышными причёсками [2], смеющиеся голоса звенели подобно песне.

Это и есть цивилизованный мир.

Днём Административный комитет Уто и Законодательный совет занимали позицию сторонних наблюдателей, пока представители семи галактик в Парламенте орали друг на друга, при этом совершенно теряя лицо и едва не давая волю рукам. Вечером же они предоставляли Эдему возможность отрегулировать уровень гормонов, переодеть себя и умыться, после чего всей семьёй в своё удовольствие веселились в кругу друзей.

Разумеется, Линь Цзиншу как супруга генерального секретаря непременно принимала участие в увеселениях — и слишком многие желали вступить с ней в разговор и потанцевать, так что, если бы госпожа Линь угождала каждому, то превратилась бы в подобие раскрученной юлы, а потому обычно она, лишь показавшись на глаза, тут же скрывалась и, когда генеральный секретарь наконец выполнял свою дневную норму светского общения, она выныривала из никому не ведомого уголка, чтобы пойти с ним домой.

В тот день она как раз пряталась в «лесу стел» [3] у входа в парк.

С самого основания Межзвёздной лиги каждый из героев, внёсший выдающийся вклад в развитие цивилизации, удостоивался здесь каменной стелы, на поверхности которой были описаны все его заслуги, а вершина — увенчана бюстом. Управлявший союзной армией Лиги в течение двухсот лет главнокомандующий Вульф, разумеется, заслужил такую стелу — как и адмирал Линь Цзинхэн ввиду его трагической кончины в самом расцвете сил; хоть своей смертью он учинил знатный переполох, ему тоже нашлось здесь местечко.

Среди этих стел была одна непохожая на прочие: лишь квадратное основание около тридцати

сантиметров в высоту, на котором не было ни надписи, ни бюста. Расположенное посреди ровного «леса стел», оно напоминало дыру на месте отсутствующего зуба.

Линь Цзиншу как раз собиралась присесть на него, чтобы дать ногам отдохнуть.

Старый главнокомандующий прожил более трёх веков, за свою жизнь он видел две календарных эпохи, так что он больше не видел смысла в чрезмерных условностях, лишь кивнув Линь Цзиншу в ответ. Не отрывая взгляда от одиноко стоящего каменного основания, он бросил:

— Эта каменная стела некогда принадлежала Лу Синю.

Тут же отступив на шаг, Линь Цзиншу поспешила извиниться:

— Прошу прощения, я не...

— Вы знали Лу Синя? — перебил её старый главнокомандующий.

Застыв от неожиданности, Линь Цзиншу осторожно ответила:

— Нет, а также не слишком много о нём слышала.

— Никто не смеет упоминать о нём — кто ещё на всей столичной планете, кроме таких старых хрычей, как я, которым уже нет дела до всех этих запретов, потому как они уже одной ногой в могиле, осмелится заговорить о Лу Сине вслух? — Старый главнокомандующий пнул носком сапога растущие у основания камня сорняки и, горько усмехнувшись, продолжил: — В те годы он установил в академии «Улань» немало рекордов, которые не удалось превзойти по сей день. Я сам помогал ему добиться этого вопреки установленным правилам. Впоследствии он воспротивился приказу, бежав в Восьмую галактику. После Первой межгалактической войны он числился в первой десятке наиболее выдающихся генералов, к тридцати шести годам совершив небывалые [4] подвиги, и прославился на весь свет... как дикий и необузданный. Слава обрушилась на него в слишком молодом возрасте, в конце концов она его и сгубила. — Челюсть старого главнокомандующего поджалась, так что стало заметно, как сильно жизненные передряги [5] заострили черты его лица. — В итоге дело дошло до государственной измены и объявления об аресте, так что от него даже могилы не осталось, ни единой статуи.

Линь Цзиншу молча выслушала его, терпеливо, но без малейшей заинтересованности — она превосходно играла роль неразумного дупла, в которое мог выговориться старый главнокомандующий.

Он надолго погрузился в свои воспоминания, пока лёгкий вечерний ветерок не повеял на него ароматом духов Линь Цзиншу. Слизистая оболочка носа старого главнокомандующего была весьма чувствительна, так что он, согнувшись, поневоле чихнул — и благодаря этому тотчас

пришёл в себя.

— Прошу прощения, слишком много разговоров о прошлом. Просто, видя вас, я вспоминаю Цзинхэна. Лу Синь славился своим упрямым и вздорным характером, однако он всегда болел за него душой, даже оставил ему Чжаньлу... Возможно, он предчувствовал, что все эти ничтожные людишки [6] из военного комитета недостойны того, чтобы коснуться его меха.

— Это честь для меня, — слегка склонила голову Линь Цзиншу.

Старый главнокомандующий смерил её взглядом. Все говорили, что брат и сестра Линь были будто близнецы — с первого взгляда и впрямь так казалось, ведь в их фигурах и чертах лица в самом деле виднелось поразительное сходство. И всё же, приглядевшись как следует, можно было обнаружить обратное [7]: между ними не ощущалось истинного кровного родства — их манера вести себя, производимое впечатление и склад характера были настолько различны, что они казались незнакомцами, волею случая немного похожими друг на друга.

Отбрасываемые залом огни сменили цвет — это означало, что бал вот-вот закончится. Учтивым жестом предложив Линь Цзиншу опереться на его руку, старый главнокомандующий заметил:

— Ваш старший брат был необычайно одарённым, не уступая своему учителю Лу Синю в его лучшие годы — он просто не прилагал должных стараний. В годы учёбы в академии «Улань» Цзинхэн проявлял ровно столько усердия, чтобы раз за разом получать стипендию, не желая расходовать силы ни на что большее. Если не давить на него, он вечно витал в облаках. Хотя я учил его и наставлял, я никогда не мог понять, к чему он стремится.

Лёгкая улыбка на лице Линь Цзиншу казалась нарисованной — настолько безукоризненно-фальшивой она выглядела.

— Он в самом деле был легкомысленным, и это порождало отчуждение — всякий раз, когда нам доводилось встретиться, мы обменивались от силы парой слов, справляясь о самочувствии друг друга, и больше говорить было не о чем — с ним невозможно было просто поболтать в своё удовольствие.

— А я-то думал, что связь между близнецами должна быть очень тесной, — заметил старый главнокомандующий.

— Возможно, но нас очень рано разлучили. Все эти годы мы почти не встречались. — Голос Линь Цзиншу тихо журчал подобно весеннему ручейку. В нём не ощущалось ни волнения, ни досады, будто у неё вовсе не было чувств. — Наверное, ближе всего мы были, когда ещё не покинули утробу матери. Полагаю, я знаю его куда хуже, чем вы.

— И это к лучшему. Когда чувства неглубоки, они не приносят столько скорби, — горько улыбнулся Вульф, и по его морщинам будто прошла рябь. После этого один из основателей Лиги еле слышно бросил: — Не то, что мне — никуда не годному старому хрычу, который

вынужден весь год напролёт сидеть взаперти на Уто, глядя на то, как его ученики один за другим уходят на поле боя, чтобы не вернуться обратно — и даже когда кто-то из них ненадолго стяжает славу своими заслугами, вскоре забывают и о нём.

В Лиге не было значительных войн на протяжении целого века, за последние десятилетия лишь немногочисленные космические пираты мучили воду, устроив несколько террористических актов. В ходе сокращения военных расходов и разоружения Серебряный форт Линь Цзинхэна должен был обратиться в подобие военного лагеря состоятельных молодых господ, который, оставаясь в стороне от политики, больше никому не доставит беспокойства. Людям нередко доводилось слышать о том, что космические пираты вновь учинили беспорядки, но тут же выяснялось, что с дебоширами уже покончено, так что все мало-помалу убедились, что знаменитые разбойники, некогда представлявшие собою грозный шторм, теперь являют собой не более чем мелкие дождевые брызги — или же последнюю слабенькую волну недобитков, которая не в состоянии толком подняться.

А раз с ними так просто совладать, то это, без сомнения, нельзя считать каким бы то ни было достижением.

Потому-то никого не волновало, сколько сражений провёл Серебряный форт и скольких пиратов одолел. Зато все помнили, как межпланетная богиня Евгения [8] в проникновенной речи призналась в своих чувствах к генералу Линю — её агенты потратили на Эдем немало денег, чтобы каждый из наблюдавших её явление мог благодаря всплескам гормонов пережить целую бурю чувств — эти непередаваемые взлёты и падения при виде прекрасной богини чуть не обрушили духовную сеть.

Вот только, к сожалению, адмирал Линь духовную сеть отключил, так что богиня понапрасну расточала кокетливые взгляды на слепца. Он даже не показался ей на глаза, ограничившись сухим официальным коммюнике от имени Серебряного форта, главный смысл которого, если убрать высокий стиль и высокопарные выражения, сводился к следующему: «Ты кто такая? Я тебя не знаю, и у меня нет на тебя времени, так что катись отсюда».

В результате этого, не будь Линь Цзинхэн знаменитым покойником, которого необходимо чествовать ради умиротворения армии и почтения к духам его предков, он бы прославился на весь свет как первостатейный отброс общества, импотент [9] и безжалостный дикий террорист.

Раз уж так обстояло дело с находящимся на передовой адмиралом, то что уж было говорить о «Военном совете по битью баклуш», где влачили бесцельное существование сливки золотой молодёжи, для которых самым важным в их работе было поддержание имиджа — дело доходило до того, что, если в средства массовой информации просачивалось малейшее упоминание о чьей-то сутулой спине, брюшке или небрежности в одежде, то виновнику приходилось понуро приносить публичные извинения за свой внешний вид.

После гибели Линь Цзинхэна вылазки космических пиратов становились всё более дерзкими, так что представители семи великих галактик и Уто принялись спорить до хрипоты, неустанно отстаивая право военной автономии, и всё же парламент Лиги по-прежнему не принимал во внимание мнение старого главнокомандующего.

Даже академия «Улань» потеряла своё значение — от «Первого военного училища» осталось одно название, поскольку восемьдесят процентов её выпускников предпочли военной карьере гражданскую.

Как супруга генерального секретаря Линь Цзиншу, само собой, знала об этом не понаслышке, однако ей было не с руки высказывать свои суждения — а потому только и оставалось, что молча улыбаться.

Они уже приблизились к залу, где продолжался бал, так что старый главнокомандующий и Линь Цзиншу синхронно замолчали.

— Вас с Цзинхэном с детских лет разлучили по политическим причинам, — внезапно сказал главнокомандующий Вульф. — В этом нет его вины.

— Конечно, — благоразумно отозвалась Линь Цзиншу.

— В конце концов, он ведь ваш брат, мисс Линь. — Должно быть, главнокомандующий Вульф всё же выжил из ума, позабыв, что она больше не мисс Линь, а госпожа Голден. Вслед за этим он тихо пробормотал: — Не забывайте его. Я не знаю, сколько мне ещё осталось, и боюсь, что после того, как мои глаза закроются, о нём больше не вспомнит ни единая душа.

Руки Линь Цзиншу задрожали — ей еле удалось удержать на лице маску вежливого равнодушия.

— Пребывающие на внешних рубежах командиры обычно для удобства избирают контактное лицо из числа адъютантов, секретарей или личной охраны, — не глядя на неё, шёпотом продолжил старый главнокомандующий, будто обращаясь к самому себе. — И всё же за все годы службы в Серебряном форте его контактным лицом на случай чрезвычайной ситуации были вы, и он никогда не менял этого решения... Это значит, что он не мог быть к вам равнодушным.

Линь Цзиншу замерла в нескольких шагах от него. В тусклом свете бальных огней её лицо было едва различимо, но глаза сверкали в лучах, будто полные слёз.

— Простите меня, дедушка Вульф, — неразборчиво бросила она сдавленным голосом.

— Что вы сказали? — недоумённо прислушался туговатый на ухо главнокомандующий.

Ярко-красные губы Линь Цзиншу дрогнули, и ей понадобилось некоторое время, чтобы вернуть лицу прежнюю невозмутимость.

— Нет, ничего, — бросила она с непринуждённой улыбкой. — Позвольте пожелать вам доброго вечера! Я была очень рада поговорить с вами. Простите, там Голден, так что позвольте

откланяться!

После этого она в полупоклоне качнулась к старику, словно изящное облачко, и неспешно поплыла прочь.

29 июня 275 г. по НЗК в 22:00 по универсальному времени главный зал Парламента всё ещё был ярко освещён, но танцы уже близились к концу. Дамы и господа прощались друг с другом, в лесопарке тихо перешёптывались деревья, в «лесу стел» царило прежнее безмолвие.

Глубоко под молчаливой громадой Серебряного форта крепко спал мех Чжаньлу, одинокий в своём секретном укрытии — никто, кроме главы форта, не имел права приблизиться к нему. Потому-то никто не заметил крохотный чип, который украдкой [10] сунули в разъём пропускного пункта — и он без помех проник в энергетическую систему Чжаньлу.

Пискнул тихий сигнал.

Но и это не потревожило погружённого в глубокий сон Чжаньлу.

Все тяжёлые орудия разом издали вздох, и лампы погасли; пространство тут же пронзил резкий сигнал тревоги:

— Нетипичный источник энергии!

— Не удаётся активировать первую резервную энергетическую систему...

— Нет возможности запустить вторую резервную энергетическую систему!

— Третья резервная энергетическая система вышла из-под контроля...

— Энергетическая сеть подверглась атаке!

— За пределами искусственной атмосферы обнаружен неопознанный летающий объект!

— Первая ступень защиты активирована... Система обороны отключена... Тревога... Отключение... Система обороны расстроена, сбой подключения, сбой подключения...

Адмирал Ли подскочил, чуть не обделавшись со страху — он никогда не бывал в подобных переделках. Сперва происходящее сбilo его с толку, затем все волосы на его теле мигом встали дыбом — на Серебряный форт напали!

Серебряный форт был ключевым военным объектом, неприступной крепостью, последним

грозным мечом Военного комитета Лиги. Стоило в других галактиках случиться чрезвычайному происшествию, с которым не могли совладать иными силами, как тотчас призывали Серебряный форт на помощь. Кто же осмелился играть с огнём [11]?

Просто невыносимо.

Однако в следующее мгновение к нему подлетел начальник охраны:

— Командир, в системе обороны царит полный хаос. По меньшей мере тысяча межпланетных тяжёлых мехов проникла в пределы искусственной атмосферы.

— Что...

Раздался оглушительный удар, и пол под ногами всколыхнулся. Адмирала Ли отбросило к стене, и в небо устремился столп огня.

Тем временем на столичной звезде генеральный секретарь Голден, попрощавшись с коллегами, отправился домой на машине вместе с супругой. Его неброская ездовая лошадка представляла собой бронированный мех, однако благодаря необычайной лёгкости конструкции его ход был таким гладким, что пассажиров не беспокоили ни малейший шум, ни тряска.

Будучи подвыпившим, Голден боялся, что это не понравится его жене, а потому, прежде чем сесть в машину, велел Эдему отрегулировать содержание алкоголя в крови. Держа нежную миниатюрную руку жены, генеральный секретарь не мог не сиять от самодовольства, радостно разливаясь:

— Они заполучили на бал Евгению, ты видела, как она пела? Подобного рода пакет услуг в самом деле не стоит рассматривать вблизи — в сравнении с тобой она, прямо скажем, ха-ха... Так как, ты довольна сегодняшним вечером?

— Довольна, — легонько пожала его руку в ответ Линь Цзиншу. — Сегодня мне...

Внезапно машина остановилась, и приборная доска загорелась необычным светом. Искусственный интеллект не издал ни звука, между тем машина просто парила на полупустой орбите, будто частицы пыли в луче света.

— В чём дело? — удивлённо спросил Голден.

Линь Цзиншу подняла голову.

Телохранитель тотчас встал с переднего сидения, чтобы проверить, что случилось.

— Система атакована неизвестным противником, — раздался сбивчивый голос искусственного интеллекта машины. — Система безопасности автоматически переводится... приносим извинения...

— Что? — нахмурился Голден.

В тот же миг из темноты внезапно вылетел целый ряд маленьких бронированных мехов, а система безопасности даже не отозвалась! Телохранители генерального секретаря, напротив, среагировали мгновенно — это покушение!

Сопровождающие машины тотчас ринулись к нападающим и открыли огонь, отовсюду раздавался звук выстрелов. Голден, чертыхаясь, схватил за руку Линь Цзиншу и заорал на телохранителя:

— Ты что, заснул? Болван, немедленно запускай пространственный портал и переправляй нас первыми!

Отозвавшись: «Есть!», — телохранитель тут же открыл люк безопасности под сидением машины — там скрывался пространственный портал. По-прежнему досадуя на его медлительность, Голден отпихнул телохранителя и сам молниеносно ввёл команду.

— Переход через пространственный портал не слишком приятен, так что ты... — повернулся он к Линь Цзиншу.

Не успел он закончить: «...уж потерпи», как его оборвал окончательно спятивший искусственный интеллект машины: из пространственного портала пулей вылетел лазерный нож и в мгновение ока рассёк генерального секретаря Голдена на две идеальные половинки.

Телохранитель и Линь Цзиншу на миг оцепенели. В глазах по-прежнему смотревшего на жену Голдена, казалось, застыло потрясение.

В следующее мгновение его тело распалось надвое, и фонтан крови с ног до головы окатил Линь Цзиншу.

— Госпожа, отойдите! — завопил телохранитель.

Её тут же подхватили и вынесли прочь из машины. Оказавшись вне поля зрения других людей, она украдкой слизнула кровь с уголков рта.

«Горячая, — подумала она. — И довольно сладкая».

Затем, словно очнувшись [12], она издала подобающий ситуации звонкий крик.

Пребывающий в далёкой Восьмой галактике Чжаньлу, казалось, наконец что-то почувствовал. Он будто завис с чашкой в руке, не замечая, как льётся на пальцы кипяток.

Четвёртый брат внезапно поднял голову.

Надвигалась буря...

Примечания переводчика:

[1] Надвигалась буря — в оригинале чэньюй 山雨欲来 (shān yǔ yù lái) — в пер. с кит. «надвигается ливень в горах», обр. в знач. «напряжённая обстановка, сложная ситуация».

[2] Благоуханные наряды и пышные причёски — в оригинале чэньюй 衣香鬓影 (yīxiāngbìnyǐng) — в пер. с кит. «аромат одежды и тень от локонов на висках», образно об изысканной внешности богатой женщины.

[3] «Лес стел» 碑林 (bēilín) — собрание памятников и каменных стел.

[4] Небывалые — в оригинале чэньюй 前所未有 (qiánwúgǔrén) — в пер. с кит. «то, что не делали предки в древности», обр. в знач. «не имеющий равных, непревзойдённый».

[5] Жизненные передряги — в оригинале 沧桑 (cāngsāng) — в букв. пер. с кит. «синее [море] — туговые [рощи]», отсылка к чэньюю 沧海桑田 (cāng sāng biàn huà) — в пер. с кит. «где было синее море, там ныне туговые рощи», обр. в знач. «огромные перемены; житейские бури, невзгоды, превратности судьбы».

[6] Ничтожные людишки — в оригинале чэньюй 井底蛙 (jǐngdǐ wā) — в пер. с кит. «бурдюк для вина и мешок для рисовой каши», обр. в знач. «никчёмный человек, дармоед».

[7] Обратное — в оригинале чэньюй 南辕北辙 (nányuán běizhé) — в пер. с кит. «вернуть оглобли на юг, чтобы ехать на север», обр. в знач. «делать наоборот», «двигаться по ложному пути», «желания и действия не совпадают».

[8] Евгения 叶夫根尼亚 (yèfúgēnnīyà) — Ефугеньния, так записывается это имя по-китайски.

[9] Импотент — в оригинале 阳萎 (yáng/wěi) — где 阳 (yáng) — мужское начало в даосизме, а 萎 (wěi) в пер. с кит. «неметь, сводить судорогой, атрофироваться».

[10] Украдкой — в оригинале идиома 神不知鬼不觉 (shénbùzhīguǐbùjiào) — в пер. с кит. «даже духи не знали и демоны не почуяли», обр. в знач. «совершенно незаметно, в глубочайшей тайне; потихоньку, тайком».

[11] Играть с огнём — в оригинале идиома 敢在太岁头上动土 (gǎn zài tàisui tóushang dòngtǔ) — в пер. с кит. «посметь разбить землю над головой бога Тайсуя», или «ворошить землю, когда Юпитер над головой» обр. в знач. «провоцировать гораздо более сильного», аналог поговорки «не буди лихо, пока оно тихо».

Тайсуй 太岁 (tàisui) — планета Юпитер, считалось, что он постоянно меняет положение, а потому под его влиянием нельзя ничего строить. Тайсуем также именуют мелкого тирана, самого сильного в данной местности князька.

[12] Очнувшись — в оригинале 三魂七魄 (sānhúnqīpò) — даос. «три духовных начла и семь нечистых духов».

<http://bllate.org/book/17449/1631066>